

Беседовала: Елена Ольховская

МАКСИМИЛИАН БЮССЕР. Сумасшедший гений, его друзья и «машины времени»

Нормальным людям трудно поверить в то, что человек после пятнадцатилетней успешной карьеры в одном из самых известных ювелирных и часовых домов мира Harry Winston, вдруг, ни с того, ни с сего, может подать заявление об уходе «в никуда». Это выглядит, по меньшей мере, странно и попахивает сумасшедшинкой. И когда то же самый человек создает «концептуальную лабораторию» Maximilian Büsser & Friends, в которой независимые часовщики и изобретатели вместе с ним намереваются производить принципиально новые произведения высокого часового искусства, то это уже вызывает бурю эмоций в тихой и весьма тесной часовой среде. Но вот когда Бюссер со товарищи представили миру первые свои творения под брендом MB&F – «часовую машину» Horological Machine No.1, а затем и Horological Machine No.2, – кто-то немедленно объявил его гением, другие – сумасшедшим. Но равнодушных не было, ни среди коллег по часовой отрасли, ни среди коллекционеров редких экземпляров часов.

Макс, почему Вы решили прервать успешную карьеру в Harry Winston и основать собственную часовую марку?

Работая в HW, я понимал, что мне повезло, и работал очень много, но постоянно себя спрашивал – в этом ли выражается моя мечта? Когда ушел из жизни мой отец, у меня внутри, как будто сработал какой-то механизм. Я стал всерьез задумываться том, чего хочу в жизни и о том, что она так скоротечна. Тогда кто-то из моих друзей сказал, что не знает ни одного человека, который бы на смертном одре произнес, что должен был работать еще больше. Я начал думать о своей мечте, анализировать, из чего состояла моя работа в Harry Winston, и понял, что мне в ней нравилось, а что – нет. Мысль начала приобретать очертания сначала в моей голове, потом в первых эскизах на бумаге и потихоньку складывалась в общую картину. Она еще не называлась MB&F, но уже приобретала очертания. Вслед за этим были составлены бизнес-план, дизайн первых часов и список будущих единомышленников. В какой-то момент я понял, что нужно уйти из Harry Winston. Это было сложно, но я это сделал.

Ваш поступок не показался Вам несколько безрассудным?

Сейчас, спустя несколько лет, я осознаю, что это было очень рискованно. Ведь когда я ушел, у меня была половина необходимого первоначального ▶▶

▶▶ капитала для создания собственного дела. Тогда я собрал эскизы будущих часов и бумаги с изложением концепции проекта, сел в самолет и отправился искать поддержки своей идеи к первому ритейлеру из Дубая. Увидев мои листочки, он сказал: «Вы, наверное, шутите?». К такому отказу я не был готов, но решил не останавливаться и отправился в Кувейт. Второй торговец ответил: «Никаких проблем, мы вам достаточно доверяем, чтобы рискнуть». Потом я отправился в Сингапур и там незамедлительно спросили, когда нужно перевести деньги. После того, как пятеро торговцев согласились инвестировать деньги в мое предприятие, я сообщил об этом самому первому, из Дубая, и тот сдался. Таким образом, я получил недостающую половину суммы и начал свое дело.

Последний часовой проект Opus, после которого Вы ушли из Harry Winston, как-то повлиял на выбор концепции MB&F?

Проект Opus был той вещью, которая вдохновила меня. Он не был прямолинейным гениальным маркетинговым расчетом, как до сих пор думают многие. Тогда мы – Harry Winston и лучшие независимые часовщики в мире – создали невероятные механизмы, и эффект от нашей совместной работы был в десять раз мощнее, чем любая рекламная кампания. Именно тогда я окончательно понял, что моя деятельность становится более значительной и эффективной, когда я действую не в одиночку, а с феноменальными творцами, причем, не только в часовом, но и в любом другом деле.

Многие люди считают, что с друзьями и родственниками нельзя вести совместный бизнес, это непременно приведет к разрыву дружеских отношений. Как Вы решились на привлечение в команду своих друзей?

Действительно, работать с друзьями невозможно. Но концепт MB&F строится на привлечение лучших профессионалов своего дела к созданию конкретного проекта, мы дружим только в профессии. Это позволяет не усложнять отношений, достаточно того, что мы работаем над сложнейшими механизмами. Сегодня в буклетах MF&F мы всегда упоминаем всех – от часовщиков до мастеров, которые создают циферблаты, корпуса, стрелки, финальную отделку, дизайнеров, фотографов, до тех, кто делает презентацию продукта, отвечает за коммуникацию, веб-мастеров, менеджеров проекта и так далее — всего нас 35 человек. Это важно, ведь в MB&F во главу угла поставлен человек, его видение, его личность. Это самое главное, а не маркетинговые амбиции.

Мы хотим быть творческой лабораторией, которая каждый год производит один проект, совершенно отличный от предыдущего. За одной формой следует другая, и хотя порой один продукт может чем-то напоминать своих предшественников, каждый раз его делают разные люди и поэтому наши «часовые машины» никогда не будут идентичными. В Horological Machine No.1 и Horological Machine No.2 механизм создавали разные часовщики, кроме того, 20 процентов команды меняются от проекта к проекту. Уже сейчас мы работаем над дизайном Horological Machine No.6, третья уже существует в прототипе и появится на рынках весной 2009 года, четвертая и пятая в стадии разработки...

Как долго Вы собираетесь придерживаться однажды выбранной концепции?

Другой концепции и перспективы я для себя не видел и не вижу. Мы должны использовать сильные стороны друг друга. Скажем, я сделал Horological Machine No.1 с турбиллоном вместе с Лораном Бессом, потому что он специалист по турбиллонам; а Horological Machine No.2 с Жан-Марком Видерехтом, потому что его сильная сторона – ретроградные часовые механизмы и «прыгающий» час. Кстати, первая «машина» в каждом из металлов выпущена в ста экземплярах, а вторая – в пятистах. И это все! Мы всегда останемся маленькой компанией, в которой нет ни менеджера по продажам, ни отдела по связям с общественностью – я предпочитаю лично встречаться с людьми. MB&F для меня – это не бизнес-решение, а жизненный выбор, и прибыль не является главной мотивацией. Сегодня мне чуть больше 40 лет и я хочу сохранить нынешнее положение дел до своего пятидесятилетнего юбилея, хочу опережать остальных на шаг вперед, а вот что будет потом – не знаю. Многие в нашей индустрии считают нас ненормальными, поскольку с частотой раз в год мы беремся за создание совершенно нового механизма, и возможно, они правы. Но мы делаем это.

Вы, кажется, заставляете нервничать многих признанных мэтров отрасли?

Наверняка. Но делаем это не потому, что людям, вовлеченным в проект MB&F, нужна работа – у каждого из них есть свое дело, они все независимы, сотрудничают с лучшими брендами, к тому же, они не могут заработать очень большие деньги на Horological Machines, поскольку мы производим их в небольших количествах. Просто это их личный выбор, своего рода игровая площадка, и им интересно попробовать свои силы на ней.

Для кого же вы создаете свои «машины времени» – для романтиков, мечтателей, коллекционеров?

Расскажу вам одну короткую историю. Как-то я со своим дизайнером Эриком Гиро, страстным коллекционером современного

Horological Machine No. 3

искусства, решил пройтись по художественным галереям. Я показал ему то, что мне нравится в первой галерее, и ничего не услышал в ответ, потом во второй – и он лишь неопределенно пожал плечами, а в третьей галерее уже он указал мне на тревожную, деструктивную живопись одного художника. И я сказал ему, что никогда не повесил бы такие работы у себя в гостиной, а он ответил: «Кто сказал, что они написаны для твоей дурацкой гостиной? То, что ты мне показывал, не искусство, а красивая декорация, буржуазная картинка, которая хорошо сочетается с рисунком обоев, ковром или мебелью, но в них нет никакой художественной глубины. А вот искусство этого художника выражает какое-то мощное скрытое чувство».

Вот так и мы создаем свои «машины». Не для того, чтобы доставить кому-то удовольствие или удовлетворить чье-то любопытство, – этим наша индустрия занималась на протяжении почти двухсот лет. И девяносто пять процентов потребителей часовых изделий этой индустрии скажут про наши часы: «Что это такое, черт побери?! Я никогда не надену подобного!». Ну и пусть, мне нужны оставшиеся пять процентов, всего лишь тридцать человек в год, которые найдут наши «машины» удивительными.

Поскольку я – первый из русских журналистов, который видит сейчас Вашу третью «машину», расскажите чуть подробнее, что в ней отличного от первых двух?

В этой «машине» меня поддержали победитель Grand Prix d'Horlogerie de Geneve 2007 Жан Марк Видерехт и дизайнер Эрик Гиро со своей командой Agenhor. Что касается самой машины, упор не ставился на техническую сложность. Скорее это наш авангардный взгляд на представление времени. Базовым калибром послужил Girard-Perregaux. ротор в форме топора – оригинальная деталь, прослеживаемая во всех предыдущих машинах, вынесен вверх, за представление времени отвечают две обоюдоострые стрелки, облегающие усеченные конусы часов и минут, диск с датой окружает ротор. Попутно, один конец часовой стрелки служит указателем времени суток. Существует две версии Starcruiser и Sidewinder с аппертурами часов и минут, ориентированными продольно и поперечно. Размеры корпуса, напоминающего космический челнок «Шаттл»: 47x50x16 мм. Мы хотели поместить сложное содержание в нужную форму. Кажется, нам это удалось. ■